

Зайцев Александр Владимирович

кандидат философских наук,
докторант, доцент кафедры
философии и политологии
Костромского государственного университета
имени Н.А. Некрасова
dom-hors@mail.ru

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТОЛЕРАНТНОСТЬ
В ПУБЛИЧНОМ ДИАЛОГЕ
ГОСУДАРСТВА
И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Zaitsev Aleksandr Vladimirovich

PhD, D.Phil. applicant,
Assistant Professor of the Philosophy
and Political Science Department,
Kostroma State University
named after N.A. Nekrasov
dom-hors@mail.ru

**POLITICAL
TOLERANCE
IN PUBLIC DIALOGUE OF
THE STATE
AND CIVIL SOCIETY**

Аннотация:

В статье рассматривается процесс институционализации толерантного диалога государства и гражданского общества в современной России. Политическая толерантность связывается с наличием конфликта, компромисса и диалогического взаимодействия власти и общества.

Ключевые слова:

диалог, государство, гражданское общество, толерантность, институционализация.

The summary:

The article considers the process of institutionalization of a tolerant dialogue between the state and civil society in the contemporary Russia. Political tolerance is relevant if there is a conflict, compromise, and dialogue between the authorities and the society.

Keywords:

dialogue, government, civil society, tolerance, institutionalization.

Феномен толерантности исследуется в таких научных дисциплинах и направлениях, как философия, социология, психология, педагогика, культурология, история, политология, конфликтология, коммуникативистика и другие [1]. Известно, что данное понятие возникло от латинского «tolerantia» – пассивное терпение, добровольное перенесение страданий. Эта страдательная основа человеческой жизни в термине «толерантность», несомненно, несет на себе отпечаток религиозного, в частности христианского, сознания, в котором терпение является одним из основных добродетелей христианина. В XVI веке к этому значению добавляются «позволение», «сдержанность». Позднее в сфере либеральной политической философии толерантность начинает пониматься как выражение внешней и внутренней свободы, как способность к продуманному выбору между альтернативными точками зрения и способами поведения, в том числе в сфере политики.

В современном мире решающее значение имеет не нейтральная терпимость по отношению к представителям других обществ, культур, религиозных и этнических сообществ, политических установок, позиций, идеологий и взглядов, а активная, заинтересованная толерантность, основанная на конструктивном коммуникативном взаимодействии различных социальных акторов. Рассмотрение феномена политической толерантности в перспективе ценностной ориентации человеческого существования позволяет понять саму толерантность в качестве одной из важнейших аксиологических форм, организующих совместную человеческую жизнедеятельность. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение толерантности в политологическом аспекте в сфере диалогической коммуникации государства и гражданского общества современной России.

Проблематизация понятия толерантности сегодня происходит в ситуации смены парадигмы социально-философского мышления, что, в частности, вызвано осмыслением специфических характеристик современности, таких как многомерность, разнородность,

расколотовость современного социального и политического пространства. Актуальность постановки проблемы заключается также ее значимостью в сфере прикладной политики, где толерантное поведение уже осознается не только в качестве определенной ценности или общественного идеала, но и является выигрышной стратегией достижения определенных целей. Характеризуя вслед за Беллом, Тоффлером и многими другими теоретиками современную эпоху как информационную, мы признаем, что за последнее столетие значительно увеличилось влияние именно информационной составляющей на способ и формы социально-политического бытия государства и гражданского общества.

Политическая толерантность сегодня – это важнейший атрибут политической культуры демократического социума, включающего в себя и государство, и гражданское общество. Такая разновидность толерантного поведения проявляет себя в равноправном и симметричном публичном диалоге, участниками которого, с одной стороны, являются органы, учреждения и институты государственной власти, а с другой стороны, негосударственные (общественные, некоммерческие, добровольческие, самодетельные и т. д.) организации, политические партии, профсоюзы, церковь и другие институты гражданского общества. «Распространение толерантных принципов, готовности к диалогу предполагает целый комплекс условий, – считает С.М. Губаненкова. – Свое воздействие оказывают разнообразные факторы: социально-экономические условия, политическая воля и интересы элит разного уровня, наличие соответствующих законов, взаимоотношения между этносами, исторические традиции и, конечно же, менталитет и политическая культура народа» [2].

Политика – сфера, где, как и в спорте, всегда присутствует четко выраженное стремление к победе, превосходству, доминированию над другими, то есть к политическому господству. Сегодня мы можем фиксировать отсутствие толерантности во многих отдельных категоричных высказываниях, транслируемых средствами массовой информации, в выступлениях политических лидеров и рядовых граждан. Однако и категоричные высказывания могут способствовать процессу обсуждения, дискуссии, диалога в том случае, если они дают повод в качестве реакции вызвать различные мнения и позиции, что создает эффект толерантности.

В процессе политического соперничества каждая сторона стремится доказать свою правоту и опровергнуть доводы противоположной, что создает весьма высокий конфликтный потенциал такой интеракции. Взаимодействие политических субъектов, это не только воздействие одного политического актора на другого (других), но еще наличие обратной связи, выражающееся в ответном воздействии (противодействии, содействии) адресата на адресанта, мену ролями в процессе коммуникации. Если ранее коммуникация государства с гражданским обществом строилась на основе монологической интеракции, то демократический транзит постсоветской России предполагает развитие диалогической модели коммуникации с неразрывно связанной с ней политической толерантностью, политическим многообразием и политическим плюрализмом. Однако внедрению этих атрибутов политической демократии в повседневную социальную практику препятствует политическая культура российского общества, сформировавшаяся в условиях политического монополизма, отсутствия конкуренции и нетерпимости к идеологическому инакомыслию. Все это создает весьма существенные препятствия на пути становления толерантного социально-политического диалога государства и гражданского общества современной России [3, с. 166–170].

Процесс демократизации страны и диалогизация общественно-политических отношений проявляет себя в возникновении и становлении новых политических и общественных институтов, тесно взаимодействующих друг с другом с помощью новых средств, методов и приемов массовой политической коммуникации. В том числе с помощью институ-

ционализирующегося социально-политического диалога, тем более что в условиях демократии «публичная сфера политики – это прежде всего институционализация политических диалогов» [4, с. 108]. Современный процесс политической коммуникации возможен только при условии наличия различных политических позиций участников политического процесса. Следовательно, толерантность надо рассматривать в контексте не стирания, а поддержания этих дифференцирующих политико-идеологических различий.

Поскольку диалог в отличие от монолога – это субъект-субъектная или интерсубъектная коммуникация, то в его структуре, в качестве наиболее важных элементов, выделяется, по крайней мере, два (или несколько) субъекта диалога. При этом в начале диалога один субъект диалога выступает в активной роли инициатора политической коммуникации, задающего тематику и тон дискурса. Эту активную позицию данного субъекта можно определить как роль адресанта, актора. Затем происходит смена позиций, и активную роль адресанта или же актора принимает на себя другой субъект политического дискурса, а предыдущий коммуникант становится адресатом. Затем опять следует смена ролей. Без определенного уровня развития политической культуры и политической толерантности такой симметричный диалог просто невозможен. Поэтому нередко в телевизионных ток-шоу вспыхивают даже рукопашные схватки, не говоря про обмен откровенно некорректными «любезностями».

В случае если в диалоге участвует более двух субъектов, то роль адресанта-актора от второго субъекта диалоговой коммуникации переходит сначала к третьему, затем четвертому и так далее участникам данного диалога. Если же в диалоговом процессе задействовано лишь два субъекта, то роль адресанта (актора) вновь возвращается первому субъекту. В процессе обмена мнениями, взглядами, доводами, в ходе развернувшегося обсуждения предложенной темы диалога его субъекты попеременно выступают то в роли активных коммуникаторов информации, то в роли ее восприимчивых. Если в монологовой коммуникации статусы ее участников строго фиксированы, то в диалоге роли адресанта-адресата относительно подвижны и четкой грани между одним и другим субъектом информационного взаимодействия нет.

По закону «О выборах депутатов Госдумы» для предвыборных дебатов партиям выделяется половина бесплатного эфирного времени (всего – по часу на партию). Однако у кандидатов есть возможность отказаться как от всего эфирного времени, так и исключительно от дебатов – для этого нужно подать соответствующее заявление в ЦИК за 35 дней до дня голосования. Отказавшись от дебатов, партия получает дополнительное время для размещения простой агитации, а время «совместных мероприятий» сократится на «квоту» этой партии. На думских выборах 2003 и 2007 годов «Единая Россия» отказалась от дебатов с оппонентами, а эфирное время использовала для показа рекламных роликов. Во время президентской кампании в 2008 году Дмитрий Медведев (как ранее дважды это же делал Владимир Путин) также не участвовал в дебатах, ссылаясь на плотность рабочего графика. Минувшие выборы президента РФ, прошедшие 4 марта 2012 года, также знаменовались отказом В.В. Путина лично принимать участие в дебатах с остальными участниками этой избирательной кампании.

В научной литературе существует точка зрения, что избегать вступления в диалог можно лишь с одной целью – не участвовать в конфликте. Такое поведение американские исследователи называют кажущейся толерантностью. В какой-то степени это тоже миротворческий процесс, но в таком случае накапливается потенциал конфликта, что может привести к нежелательным результатам: стрессу или, напротив, взрыву конфликта. Если же субъект решил вступить в диалог, то начинает действовать важный для определения толерантности прагматический фактор – мотивация. И одним из ее аспектов явля-

ется не только стремление разрешить конфликт с помощью диалога, но и воздействовать в нужном направлении на пассивных участников коммуникации, то есть на аудиторию.

Важнейшим структурным элементом публичного политического диалога является именно аудитория, для которой, собственно говоря, и разворачивается публичный политический диалог, который, кстати, может протекать как в очной, так и в заочной форме, может быть либо локализован, либо растянут в пространстве и во времени. Средства диалоговой коммуникации являются материально-вещественной стороной политического диалога. Сюда можно отнести не только электронные и печатные СМИ, но также все более усиливающие свои позиции интернет-коммуникации и сайты. К коммуникативным средствам политического диалога следует отнести всевозможные дискуссионные площадки, политические клубы, общественные приемные, пресс-конференции различного масштаба и уровня, включая транслируемое на всю страну по центральному телевидению интерактивное общение высших должностных лиц нашего государства с населением регионов России и копирование этой формы властями субъектов Федерации и местного самоуправления.

Воплощение в политическую практику этой новой коммуникативной парадигмы началось в России после проведения гражданского форума в ноябре 2001 года, ставшего первой подобной встречей представителей общественности с высшим руководством страны и началом нового диалогового этапа во взаимодействия власти с гражданскими структурами. Это мероприятие явилось первой общероссийской площадкой для определения путей диалога гражданского общества и власти, а также поиска возможностей влияния гражданского общества на ход реформ в России.

В 2005 году был принят Федеральный закон РФ «Об общественной палате РФ». Вслед за этим сначала на федеральном, а затем и на региональных и местных уровнях были созданы соответствующие общественные формирования, призванные стать диалоговыми площадками для взаимодействия некоммерческих организаций (НКО) и структур власти. Затем появился Общественный совет при президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и защите прав человека. Сюда, как и в Общественную палату РФ, вошли известные общественные деятели, правозащитники, ученые и деятели культуры.

К сожалению, обилие диалоговых площадок, созданных на всех уровнях власти (федеральном, региональном, местном), а также при министерствах и ведомствах, пока еще не привело к качественным изменениям в интеракции государства и гражданского общества. Тем более что, как показывает практика, многие из этих переговорных площадок функционируют формально, выполняя роль демократических декораций и находясь под опекой со стороны соответствующих органов власти. Гражданское общество современной России все еще не созрело для полноценной равноправной толерантной и симметричной диалоговой коммуникации с властью. К тому же гражданская инициатива и политическая активность подавляющей части населения по-прежнему находятся на достаточно невысоком уровне.

В то же время в регулярную практику высших должностных лиц всех уровней власти вошло их интерактивное диалоговое общение с аудиторией в ходе «прямых» телевизионных эфиров и ответов на вопросы общественности. В процессе реализации концепции «электронного правительства» постепенно расширяется поле диалогового интернет-взаимодействия государства и общества. Подобную форму коммуникации с электоратом осваивают и ведущие политические партии страны. Личный пример такой современной интеракции представляет видеоблог Дмитрия Медведева. Само гражданское общество и его диалоговая коммуникация с властью в перспективе создания глобального информа-

ционного пространства будут все более и более виртуализироваться и перемещаться в сферу интернет-пространства. Данная тенденция вполне соответствует дискурсивно-совещательной (делиберативной) модели демократии, в основе которой и заложен толерантный институциональный диалог государства и гражданского общества.

К сожалению, в России исторически не сформировалась традиция длительного пребывания в состоянии открытого, свободного конфликта, порождающего отношение к нему как к социальной норме. Для нее характерно постоянное подавление конфликтов со стороны сильного государства, долготерпение и покорность в сочетании с постоянной готовностью к бунту. Поэтому особенности российской толерантности могут быть описаны сочетанием таких противоречивых черт, как широкая этническая терпимость в соединении с резким отторжением «неправильных» религий и идеологий; покровительственное отношение к другим этносам; формирование связей между людьми не на основе формальных законов, а силы соглашений («соборности») и традиций; противопоставления закона и справедливости («правды»). Культурные практики толерантности предписывают коммуникантам не наносить своей речью и своим поведением ущерба другому, а напротив, всячески его поддерживать и создавать тем самым благоприятный климат общения; лишь установка на доброжелательность способна создать атмосферу комфортности и возможности устранения разногласий и разрешения конфликта.

Поскольку толерантность призвана регулировать процесс общения, поведение субъектов, в том числе речевую деятельность участников коммуникации, необходимо, чтобы субъекты, имеющие разногласия, вступили в откровенный публичный диалог. «Сегодня необходимо открыто и честно разговаривать с самыми разными людьми: с той молодежью, которая вышла в конце прошлого года с протестами против несправедливости на улицы Москвы; с теми диаспорами, которые сегодня нуждаются в диалоге и взаимной притирке с большинством местного населения; и с теми, кого принято считать представителями радикальных течений; и с теми, от кого можно услышать что-то противоречащее традиционным ценностям, – считает протоиерей В. Чаплин. – Наше общество слишком широко и плюралистично, чтобы ограничиваться контактами лишь с теми, кто близок тебе по духу и убеждениям» [5]. Однако обещанного диалога не состоялось ни тогда, ни позднее, в том числе после массовых акций протеста, вызванных недовольством фактами фальсификации выборов в Государственную думу РФ 4 декабря 2011 года, а спустя три месяца на выборах президента РФ. Хотя такие намерения высказывались неоднократно, а на роль посредников в так и не состоявшихся переговорах между властью и оппозицией претендовали многие известные лица. В том числе экс-министр финансов А. Кудрин, омбудсмен В. Лукин, председатель Федерального собрания РФ В. Матвиенко, патриарх Кирилл и другие. И тем не менее начавшаяся и уже давно назревшая реформа политической системы России дает новые реальные и юридически оформленные возможности для дальнейшего развития гражданской и политической инициативы российского социума, а также для институционализации толерантного диалога государства и крепнущего гражданского общества в современной России.

Пока же в России еще полностью не сформировались рациональный тип толерантности, уважение к «правам личности» и «праву частной собственности» со стороны как власти, так и народа. «Демократия», «свобода», «рынок» имеют у нас совсем иное содержание, нежели в других странах. Дефицит рациональности сознания и действия едва ли не основная причина многих социальных инверсий, происшедших с Россией. В стране, где не было длительного развития элементов личных свобод и правового государства, невозможно в исторически короткое время создать гражданское общество взаимноответственных, толерантных субъектов. Вместе с тем события последних десятилетий под-

тверждают, что понятие «компромисс» прочно заняло свое место в политической лексике. Толерантность предполагает способность к компромиссам, нахождению приемлемых решений для разнящихся друг от друга политических позиций, взглядов и установок. Компромиссы, достигнутые путем взаимных уступок, примирения отражают не политическую безвольность, а скорее наоборот, они свидетельствуют о разумности проводимого политического курса, позволяющего избежать больших общественных и моральных издержек. Культура политического консенсуса проявляется в готовности различных политических сил пойти на разумный компромисс. Толерантность в этом случае выступает как уважение к чужому мнению в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога.

Ссылки:

1. Круглова Н.В. Проблема толерантности сквозь призму междисциплинарного подхода // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию проф. М.С. Кагана. Материалы международ. науч. конф. 18 мая 2001 г., г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск № 12. СПб., 2001. С. 78–80. [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kruglova/symp12_14.html (дата обращения: 29.04.2012).
2. Губаненкова С.М. Политическая толерантность в российской политической культуре. [Электронный ресурс]. http://politologiaosu.ucoz.ru/publ/problema_tolerantnosti_v_sovremennom_mire/politicheskaja_tolerantnost_v_rossijskoj_politicheskoy_kulture/2-1-0-2.
3. Зайцев А.В. Политическая культура и политический диалог в демократическом транзите современной России //Диалог культур – культура диалога. Материалы международ. научно-практ. конф. Кострома, 6–10 сентября 2010 года / под ред. Л.Н. Ваулиной. Кострома ; Дармштадт ; Минск ; Могилев ; Познань ; Вандзор, 2010.
4. Конфликты и диалог политических культур в современной России / под ред. А.В. Глуховой. Воронеж, 2005. 216 с.
5. Цит. по: Толерантность не протухла, хотя немного и попахивает (парламентарии о дискуссиях в обществе). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regions.ru/news/society/2349526/> (дата обращения: 29.04.2012).

References (transliterated):

1. Kruglova N.V. Problema tolerantnosti skvoz' prizmu mezhdistsiplinarnogo podkhoda // Metodologiya humanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka. K 80-letiyu prof. M.S. Kagana. Materialy mezhdunarod. nauch. konf. 18 maya 2001 g., g. Sankt-Peterburg. Seriya «Symposium». Vypusk № 12. SPb., 2001. С. 78–80. [Electronic resource]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kruglova/symp12_14.html (date of access: 29.04.2012).
2. Gubanenkova S.M. Politicheskaya tolerantnost' v rossiyskoy politicheskoy kul'ture. [Electronic resource]. http://politologiaosu.ucoz.ru/publ/problema_tolerantnosti_v_sovremennom_mire/politicheskaja_tolerantnost_v_rossijskoj_politicheskoy_kulture/2-1-0-2.
3. Zaytsev A.V. Politicheskaya kul'tura i politicheskiy dialog v demokraticheskom tranzite sovremennoy Rossii //Dialog kul'tur – kul'tura dialoga. Materialy mezhdunarod. nauchno-prakt. konf. Kostroma, 6–10 sentyabrya 2010 goda / ed. by L.N. Vaulina. Kostroma ; Darmshtadt ; Minsk ; Mogilev ; Poznan' ; Vandzor, 2010.
4. Konflikty i dialog politicheskikh kul'tur v sovremennoy Rossii / ed. by A.V. Glukhova. Voronezh, 2005. 216 s.
5. Cit. by: Tolerantnost' ne protukhla, khotya nemnogo i popakhivaet (parlamentarii o diskussiyakh v obshchestve). [Electronic resource]. URL: <http://www.regions.ru/news/society/2349526/> (date of access: 29.04.2012).